

КОЛЛЕКЦИЯ ГРУСТЬ-БАНК

22 сентября 2008 года нашел на улице современную копейку. Постоял рядом: поднимать или нет?

— Зачем она тебе? — спросил равнодушно Александр Кузьменков, с которым мы гуляли улицами Братска. Не просто гуляли, а, изрядно выпив, вышли на улицу глубоко дышать, дружить с листопадом, пиная тупыми носками ботинок опавшую листву. Было у нас в ту осень такое любимое творческое занятие для поднятия духа. А что еще делать двум безработным журналистам...

— Да вроде бы незачем! А все-таки жаль: хоть и малый, но финансовый ресурс, и к тому же орлом лежит. Значит, к удаче! — ответил оптимистично товарищу. Со мной случались иногда приступы немотивированного оптимизма. Я это объяснял склонностью к написанию лозунгов и стихов, которыми время от времени тешил моих знакомых. Хотя читатели говорят, что лозунги и стихи у меня получались в тот период жизни мрачные. Еще постояли пару минут в нерешительной задумчивости.

— Будешь поднимать? — спросил я безработного коллегу, намекая на то, что ему нужнее.

— Да ну,— махнул он на мое предложение рукой и посмотрел как на безнадежного человека.— Куда и зачем она тебе?

— Не знаю,— многозначительно я ковырнул копейку ногой. Постоял, постоял, переминаясь с ноги на ногу, но все-таки поднял.

Несколько дней носил беленькую маленькую монетку в кармане — даже не на что потратить. Грустно, что современная копейка опять ничего не стоит. Так же и со многими людьми: многие стоят посреди людского базара — никто не интересуется ценой! Но с того самого дня начали со мной происходить странные, подававшие надежды события. Тогда я временно, как мне казалось, остался без работы. Деньги на жизнь, конечно, еще были, но как-то очень быстро пропадали в местных магазинах. А мои банковские счета не пополнялись. И даже купленный однажды на удачу лотерейный билет моментального выигрыша ничего мне не принес.

Так вот, с того самого дня, когда копеечка попалась мне на пути, я стал находить на улице деньги. Не бог весть какие суммы, но на пропитание хватало. Для меня это было не событие, поскольку я с детства отличался «финансовой находчивостью». Осенью 2008 года чаще других попадались мне копейки. Оно и понятно: монета эта была вытеснена инфляцией из торгового оборота, и люди не брали ее в магазинах в качестве сдачи, а выбрасывали. А я стал поднимать. Нет, не из возрастной жадности, а из привитой в детстве бережливости и финансовой наивности, что копейка рубль бережет. Уже не берегла. Но тогда мне в этих копеечных посланиях, другой скажет — подачках, виделся путь выхода из личного кризиса, в который меня засасывало время безнадёги. Копеечки накапливались у меня в специально выделенной для них коробочке, куда я переместил все сохранившиеся в доме мелкие монеты советского периода. Я назвал ее согласно своему тогдашнему настроению «Грусть-банк». Эти утратившие цену монеты не могли уже повлиять на мое материальное положение. Коробок между тем с каждым днем становился все тяжелее и тяжелее. И вот однажды у себя во дворе я поднял старинную монету. Я не сразу понял, что это, ведь монета была черной от времени и даже, пока я ее не очистил от пыли времени, не читалась. Я внимательно огляделся по сторонам — не валяется ли еще что-то историческое в нашем дворе? Увы, ничего не было, кроме листьев.

Я так разволновался, что сменил маршрут и вернулся домой. Отмыл, отчистил находку и стал рассматривать. Это была копейка 1916 года. Я полез в Интернет узнать, какую ценность она из себя представляет сегодня. Специалисты меня разочаровали. Среди коллекционеров она была в большом ходу, и ее нумизматическая ценность не превышала 500 современных рублей. И тем не менее, я был рад находке и отвел для нее специальное место. Историю находки стал рассказывать всем своим знакомым, и люди поражались — откуда копейка 1916 года могла оказаться в моем дворе? Я сам терялся в догадках — не иначе как передо мной образовался провал времени. Хорошо, что мне выбросило только старую монету, а не утащило в начало XX века за собой,— шутил я...

Когда я хвалился этой удивительной старинной находкой, то находилось немало знакомых, которые тут же вспоминали свои взаимоотношения с мелкой монетой. Больше всего запомнилась история поэта из Москвы Андрея Чегодамова:

— У меня была копейка, которая мне «жизнь спасла». Наклонился за ней и не «успел» под машину, которую не видел на дороге. Копейку легко было узнать, так как одна сторона была во вмятинах от асфальта. Полгода проносил, потом пришлось отдать в магазине...

Напомню, кто забыл, что в романе Максима Горького «Мать» есть пронзительная экономическая «история» с болотной копеейкой, раскрывшая стихийный бунт против фабриканта, распорядившегося вычестить «копейку» из зарплаты рабочих на осушение болота... Революция, по версия автора, разгорелась с копейки... Как когда-то в московской типографии начался мятеж из-за наборщиков, которые требовали платить за знаки препинания, как за слово... Революции в России начинаются с мелочей...

Но самое важное произошло со мной через несколько дней после находки. Молодые люди открыли информационный городской сайт и позвали писать заметки. Сайт набирал обороты и теснил газеты. Сочинять заметки было моим ремеслом, и хотя предложенные финансовые условия не были вдохновляющими, я не отказался. И по сей день там работаю, но уже главным редактором сайта. Кстати, с тех самых пор, как моя материальная жизнь стабилизировалась, я перестал находить деньги, и копейки в особенности. Они совсем куда-то исчезли из поля моего зрения. Последний раз современную копейку я видел в прошлом году, но даже поленился поднять и положить в свой заветный «Грусть-банк», который и так полным-полнехонек мелкой монетой. Конечно, в нем нет редких копеек времен Ивана Грозного и Екатерины Великой, которыми дорожат настоящие коллекционеры, но меня это не беспокоит.

Поэтому время от времени достаю коробочку с моими копейками и внимательно изучаю безымянных героев финансовой системы России, которые, как мне теперь кажется, вернули меня в экономическое пространство страны. Я собрал сотни монет прошлого и нынешнего веков. Копеек разных времен и народов. Самая старинная датирована 1916, а самая юная — 2007 годом. С точки зрения заядлых нумизматов, не бог весть какая коллекция. Но иногда мне кажется, что вот-вот эти монеты со мной заговорят. Мне греет душу мысль, что эти монеты зреют в цене и дождутся своего часа, чтобы предьявить городу и миру всю свою ценность.

И я его храню вместе с копейками... Сегодня я достал коробочку, рассеял копейки по столу, взял лупу и стал рассматривать коллекцию. А попутно вспомнил эту историю, которую вам рассказал. Не знаю, есть ли в ней что-то чудесное, но та первая копейка, найденная в ворохе осенних листьев, сильно поменяла мою текущую к старости жизнь...

* * *

А недавно копейка опять дала о себе знать. В Сбербанке, где я осуществлял банковую финансовую операцию, мне причиталась сдача. В ее составе были четыре копейки.

— И дадите мелкую монетку? — съехидничал я.— Обязательно,— невозмутимо ответила оператор и подала мне четыре копейки.

Девушка аккуратно выложила передо мною новенькие блестящие крохотные монетки, которыми я, естественно, не побрезговал, а благодарно собрал и дома снова положил в свой Грусть-банк. Пусть нарастут проценты истории, на которые станут жить наши внуки.

БОРОВСК ВЛАДИМИРА ОВЧИННИКОВА

*Вы, живописцы, покрывающие стены
Загадочными фигурами нашей истории,
Откройте младенцам глаза,
Развяжите уши...*

Николай Заболоцкий

Россия задохнулась от продолжительного бега за экономическими достижениями Запада и Востока, улеглась между ними, демонстрируя особый способ наложения красок Боровска, куда я приехал званым гостем, хотя и с опозданием в несколько лет. Но меня здесь ждали все продолжительное время моего отсутствия.

Пешая жизнь по древнему городу замирает перед скважиной неба. Из тюбиков звездного чрева в замкнутое пространство пейзажа среднерусской полосы художник Владимир Овчинников выдавливает краски. А затем мазками проталин рисует весну, по итогам которой богатый урожай огурцов соперничает с космическими замыслами Циолковского, а Николай Федоров регулярно думает будущим воскрешать постоянное прошлое, чтобы поэты вслед за колесом истории гоняли колесо рифмы и спорили до хрипоты абзаца:

— А доедет это колесо до будущего или не доедет? Я ощущаю всем своим внутренним содержанием, как здесь время повзрослело и отправилось путешествовать верхом на яблоне по временам года: то прошлестит молодым листочком, то упадет оземь плодом созревшим, соперничая с падалицей звезд, то зависнет под луной снежной шапкой, отражая небо, а то замрет сухостоем-поводырем для ветра, напевающего в отогретую флейту сада... Иногда время глубинки, как ребенок, задремлет в жаркий день плодоношения в тени кроны и сквозь две проталины глаз с любопытством наблюдает, как целуются двое под вечно цветущим деревом-путешественником...

А трудолюбивый художник, нанятый за бесценую красоту, как заправский маляр, закрашивает стены города сюжетами русского прошлого, настоящего и будущего, с раннего утра вписываясь душой в опасный поворот будней заспанной провинции, где толпа с наступлением темноты плотно садится у телевизоров, на экранах которых бурным потоком гонят сквозь русский чистый разум сериал за сериалом засвеченного враньем бытия кино.

И не подозревают едоки хлеба, что их настоящее крепко спит по ночам в тубиках художника Владимира Овчинникова...и лишь писающий мальчик перед уличной фреской на случайной фотографии корреспондента «Огонька» заставляет очнуться на время Боровск, у которого на заднике покоится изящное, и с ним легче всего заходить в будущее.

— Может, зайдем в церковь? — вопросом приглашает меня художник.

— Нет, я не люблю в них бывать. Меня раздражает религия, хотя о Боге как научной формуле я постоянно думаю,— ответил я Овчинникову.— Но вокруг меня стало столько людей, которые обивают пороги храмов, что я избегаю этого. Вам кажется это странным?

— Нет, все люди разные. Те живут под куполами, и выше им уже не подняться даже в своих молитвах, а вы под Богом, который вам многое позволяет,— быстро нашел Владимир ответ на мой вечный вопрос самому себе.

И в темноте вслед за художником Владимиром Овчинниковым выхожу к ночному краю, вдыхаю чистый глоток неба, поперхнувшись остроконечностью замертво падающей в мировую ноосферу звезды, что прорезает, как хлебный мякиш, тишину, звучащую с того света. Только в Боровске с подлинностью действия я ощутил, как Бог прячет концы в человеке, а человек — отдает концы Богу!

Проснувшись среди ночи, долго-долго хриплю всем своим внутренним содержанием песню безмолвия, цепляясь за последнее слово светотехники жизни, где по морщинам истории ползает божья коровка провинциальной мечты, обрушивая края памяти, где часы — чучело вечности, по стрелкам которых нам никогда теперь не узнать — сколько осталось будущего у Бога. И потому — в одиночной камере бытия перестукивается со временем. Художник — сердцем. Вечность — часовым механизмом у пульса на его руке.

Только в Боровске понимаешь: мы на пару с художником из тех, кому больше всех мало!

